

Архитекторы
делают это
с точностью
до миллиметра

ГАЛСТУК

СЕСИЛИЯ СУАРЕЗ

18+

Сесилия Суарез

Галстук

«Автор»

2026

Суарез С.

Галстук / С. Суарез — «Автор», 2026

Я думала, что босс меня ненавидит за испорченные галстуки, но он запер меня в пентхаусе и пообещал наказать так, что я никогда не забуду. «Расслабься, я держу», — шептал он, связывая мне руки. Одержимость с первого взгляда, принудительная близость и шёлк, который связывает крепче любых слов.

Содержание

Глава 1. Кофе и катастрофа	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сесилия Суарез

Галстук

Глава 1. Кофе и катастрофа

Лиза

Кофе остывал.

Лизавета Климова стояла в очереди в корпоративной кофейне на первом этаже «Романов-Тауэр» и гипнотизировала взглядом бумажный стаканчик, на котором бариста кривоватым почерком вывел три восклицательных знака. Жирных. Как будто само наличие этих знаков могло защитить напиток от посягательств. Бариста, молодой парень с тоннелями в ушах и татуировкой в виде кофейных зерен на предплечье, знал своё дело. Все в «Романов-Тауэр» знали своё дело. И главное дело заключалось в том, чтобы не злить Кирилла Андреевича Романова.

— Девушка, вы зависли, — раздался сзади нетерпеливый голос.

Лиза моргнула, схватила стаканчик с прилавка и прижала его к груди. Сзади стоял мужчина в дорогом костюме — явно из отдела инвестиций, все они там ходили с таким выражением лица, будто мир им что-то должен. Она пробормотала извинения и отступила в сторону, чувствуя, как бумага стаканчика нагревает ладони сквозь тонкие стенки. Кофе был обжигающе горячим. Романов пил только такой — чёрный, без сахара, температура восемьдесят четыре градуса. Она знала это, потому что за четыре месяца работы младшим ассистентом выучила все его привычки. Не потому, что хотела. Потому что без этого бы не выжила.

Четыре месяца. Четыре месяца она работала в архитектурном бюро «Бастион», и каждый день походил на хождение по минному полю. Не потому, что её босс был жестоким. Нет, жестокость подразумевает эмоции. Кирилл Романов был *ледяным*. Он не кричал. Он не угрожал. Он просто смотрел на тебя, и ты понимал: ты — пыль. Не в смысле оскорбления. Пыль — это объективная реальность. Частица материи, которую он не замечал, пока она не начинала мешать обзору.

Лиза вошла в лифт. Зеркальный с золотистыми панелями, с кнопками, которые светились мягким янтарным светом. Башня «Романов-Тауэр» принадлежала компании на восемьдесят процентов, поэтому здесь всё кричало о статусе владельца. Мраморный пол. Приглушённый свет, льющийся откуда-то из невидимых ниш. Стекланные перегородки, за которыми сновали люди в идеально отглаженных костюмах. Даже воздух здесь был другим — фильтрованным, с лёгким ароматом сандала, который, по слухам, распыляли через систему вентиляции по личному распоряжению Романова. Никто не пил кофе на ходу. Никто не смеялся громко. Никто не носил мятых рубашек. Все носили «Романов-стайл»: холодную вежливость, смешанную с перманентным страхом облажаться.

Лиза прислонилась к зеркальной стене лифта и посмотрела на своё отражение. Очки в тонкой металлической оправе съехали на кончик носа. Она поправила их указательным пальцем — привычный жест, который она повторяла раз сто на дню. Сегодня она надела свой самый приличный костюм: юбку-карандаш мышинового цвета, которая была ей чуть длинна, и алую блузку с бантом на шее. Бант был лишним. Бант кричал «я учительница младших классов», а не «я работаю в самом престижном архитектурном бюро столицы». И Лиза каждые пять минут машинально его теребила, отчего он уже слегка перекосялся и напоминал не бант, а ухо спаниеля.

Она ненавидела этот бант. Она ненавидела эту юбку. Она ненавидела туфли на низком каблуке, которые предательски скользили по мраморному полу. Но это было всё, что у неё имелось. Зарплата уходила на оплату съемной квартиры, оплату ЖКУ и оставалось не так много

на еду. Младшим ассистентам в «Бастионе» платили ровно столько, чтобы они не умерли с голоду, но недостаточно, чтобы они могли купить себе приличный гардероб. Такой была политика компании: если хочешь больше — расти. Проблема заключалась в том, что расти было некуда. Над Лизой был старший ассистент, над старшим — личный секретарь, над секретарём — Романов.

Лифт дзинькнул. Двери разъехались на сорок втором этаже.

Здесь царил другая тишина. Не офисная, не рабочая — музейная. Сорок второй этаж принадлежал ему. Кириллу Андреевичу Романову. Основателю, генеральному директору и единоличному владельцу «Бастиона». Его приёмная была просторной, как хорошая квартира, с панорамными окнами во всю стену. Город лежал внизу, как серый ковёр, прошитый нитями дорог. За столом из черного дуба сидел Викентий Павлович — личный секретарь Романова, мужчина лет пятидесяти с лицом отставного генерала и выправкой дворецкого из английского сериала. Он носил костюмы-тройки одного и того же тёмно-серого оттенка, и Лиза подозревала, что его гардероб состоит из десяти абсолютно одинаковых комплектов. Поговаривали, что он знает о каждом сотруднике больше, чем отдел кадров, и что он никогда не ошибается. За четыре месяца Лиза не видела, чтобы он улыбнулся. Ни разу.

— Климова, — произнёс он, не поднимая головы от монитора. — Опаздываешь на четыре минуты.

— Лифт, — выдохнула Лиза, всё ещё прижимая стаканчик к груди.

— Лифт тебя не оправдывает, — он, наконец, поднял глаза и посмотрел на неё поверх узких очков. — Хотя сегодня он действительно работал медленнее обычного. Я проверю.

Викентий Павлович всегда проверял. Лиза иногда думала, что он — робот, присланный из будущего, чтобы следить за порядком. Она бы не удивилась.

— Он внутри? — спросила Лиза, кивая на дверь из матового стекла.

— Да. И у него настроение.

Лиза замерла на полушаге. Секретарь никогда не комментировал настроение босса. Никогда. За четыре месяца — ни слова. И если он счёл нужным предупредить, значит, настроение было не просто плохим. Оно было катастрофическим.

— Какое? — спросила она тихо.

— Холодное. Очень. — Викентий Павлович поправил очки. — Он уже дважды пересчитал смету по проекту «Кристалл» и нашёл ошибку. В чужом расчёте.

— Чьём?

— Не знаю. Но он раздражён. Иди, не заставляй ждать. Кофе ему нужен позарез.

Лиза поправила бант (чёртов бант), глубоко вдохнула и толкнула дверь плечом — руки были заняты стаканчиком.

Кабинет Кирилла Романова был огромным. Других слов не находилось.

Минимализм здесь граничил с храмовой архитектурой. Высоченные потолки, бетонные панели цвета слоновой кости, встроенные светильники, льющие мягкий янтарный свет. Одна стена целиком состояла из стекла и открывала вид на излучину реки, где белыми перьями скользили яхты. Вторая стена была занята стеллажами с макетами зданий: от небоскрёбов до частных вилл, каждая модель стояла под стеклянным колпаком, как музейный экспонат. Лиза знала эти макеты: «Кристалл», «Мирадж», «Авангард», «Горизонт» — все проекты, которые вывели «Бастион» в лидеры рынка. Пол — наливной, серый, такой блестящий, что в него страшно было ступить грязными подошвами. Посередине, как алтарь, возвышался стол — огромный, прямоугольный, из чёрного дерева, похожий на взлётно-посадочную полосу для небольшого самолёта. На нём — ни одной бумажки, ни одной ручки. Только ноутбук. И телефон. И идеально ровная стопка распечаток.

Самого Романова за столом не было. И кресло его было пустым.

— Сюда, — раздался низкий голос.

Лиза повернула голову и едва не выронила стаканчик.

Кирилл Романов стоял у приоткрытой двери, которую Лиза раньше не замечала. Оказывается, в стене за его столом была скрытая гардеробная. Узкая ниша, подсвеченная холодными диодами, а внутри — два ряда вешалок с костюмами, полки с рубашками, ящики с галстуками и запонками. Целая комната, замаскированная под стену. Лиза моргнула. Она работала здесь четыре месяца и понятия не имела, что эта дверь существует. Впрочем, она вообще многого не знала о своём боссе. Он был как айсберг: девяносто процентов скрыто под водой, и только десять процентов ледяной поверхности видны окружающим.

Она сделала шаг к нему, стараясь не цокать каблуками. Каблуки она ненавидела. Они делали её выше на семь сантиметров, но Лиза всё равно доставала Романову едва до плеча. А ещё они предательски скользили по наливному полу.

— Вот, — сказала она, протягивая стаканчик. — Чёрный. Без сахара. Как Вы...

Один каблук проскользил куда-то в сторону. Её левая нога подвернулась. Стаканчик с кофе взлетел в воздух, описывая дугу, которая в любом другом контексте могла бы показаться изящной. Кофе, чёрный и обжигающий, выплеснулся из стаканчика фонтаном, и Лиза, всё ещё пытаясь удержать равновесие, с ужасом наблюдала, как каждая капля летит прямо в открытый ящик с галстуками.

На несколько ударов сердца время остановилось. Литературно — замерло. Как в кино, когда герой понимает, что сейчас произойдёт непоправимое, и камера показывает всё в замедленной съёмке.

Кофе растёкся по шёлку.

По тёмно-синему в серебристую полоску. По графитовому с монограммой «К.Р.». По бордовому, который стоил, наверное, больше, чем Лизе платили за месяц. По стальному, по серебристо-серому, по иссиня-чёрному, по изумрудному. По двенадцати идеально выглаженным полоскам ткани, лежавшим в выдвижном ящике, как солдаты в строю.

На каждом — мокрое тёмное пятно. От каждого — запах эспрессо.

Лиза подняла глаза на Романова. Стаканчик валялся у его ног. Пустой и жалкий.

Романов не кричал. Он даже не шевелился. Просто смотрел на ящик, и на его лице застыло выражение, которое Лиза не смогла бы описать словами. Скорее — математическая формула. Он будто подсчитывал убытки. Прикидывал, сколько времени займёт найти замену. Принимал решение, уволить её сейчас или дать шанс оправдаться. Или не давать, а просто вышвырнуть. Без рекомендаций. Без выходного пособия. Без всего.

— Климова, — произнёс он тихо. Так тихо, что Лиза услышала, как колотится её собственное сердце. — Вы знаете, кто сегодня приезжает на сделку?

— А... арабы, — пролепетала она.

— Инвесторы из Эр-Рияда. Они помешаны на деталях. На протоколе. На том, как выглядит человек, которому они доверяют свои деньги. Понимаете?

Лиза кивнула, не дыша. Её голова дёрнулась вверх-вниз, как у болванчика на приборной панели.

— А теперь скажите мне, Климова: сколько галстуков в этом ящике выглядят так, будто их не достали из помойки?

Она опустила взгляд на ящик. Пересчитала. Хотя считать было нечего.

— Ноль, — прошептала она. Голос прозвучал, как мышинный писк.

— Ноль, — повторил он с каким-то отстранённым спокойствием.

Затем он закрыл глаза. Медленно, очень медленно, как человек, считающий до десяти. Или до ста. Или до тысячи. Его ресницы — неожиданно Лиза отметила, какие они длинные и тёмные — дрогнули. Лиза смотрела на него и не могла отвести взгляд. Он был неправильным. Слишком высоким для архитектора. Слишком широким в плечах для человека, который дол-

жен сутками сидеть над чертежами. Слишком красивым для человека, который мог позволить себе хоть немного несовершенства.

Она знала его биографию. В «Бастионе» её знали все, она была частью корпоративной легенды. Кирилл Романов, выпускник МАРХИ и Массачусетского технологического. Бывший инженер-строитель, объехавший полмира с гуманитарными миссиями. Его отец, Андрей Романов, погиб в пожаре на одном из семейных заводов, когда Кириллу было двадцать шесть. Тогда он вернулся из Непала, бросив госпиталь, который строил, взял бразды правления и за пять лет превратил скромную компанию «Романов-Строй» в архитектурного гиганта «Бастион». Его прозвали Ледяным Принцем. Не потому, что он был холоден. А потому, что он был *непробиваем*. Никто не знал, о чём он думает. Никто не знал, что он чувствует. Он носил безупречные костюмы и улыбался уголком губ так редко, что каждую такую улыбку обсуждали в курилках по три дня.

И вот сейчас он стоял перед ней в одной рубашке, без пиджака, и считал до десяти. Когда он открыл глаза, Лизе показалось, что температура в комнате упала на пару градусов. Его глаза были серыми, цвета грозового неба, которое вот-вот разразится ливнем. Тяжёлые веки придавали ему вечно скучающее выражение, но сейчас в них не было скуки. В них было что-то другое. Что-то, отчего у Лизы подкосились колени.

— Мне нужно привести себя в порядок перед сделкой, — сказал он ровным голосом. — Я иду в ванную комнату. Когда я вернусь, — он сделал паузу, и его взгляд прошёлся по ней. — Этой катастрофы здесь не будет.

— Кирилл Андреевич, — пролепетала она.

— Я иду в ванную, — повторил он, отчеканивая каждое слово, как будто разговаривал с ребёнком. Или с котёнком. С очень глупым котёнком, который только что опрокинул горшок с геранью. — На три минуты. Я никогда не опаздываю. У меня нет на это времени. Когда я вернусь, я должен взять галстук, одеться и заключить эту сделку. Понятно?

Лиза кивнула. И еще раз. Её голова продолжала дёргаться вверх-вниз. Она не могла остановиться.

— Тогда действуйте.

Романов развернулся и вышел из кабинета через вторую дверь, ведущую в личную ванную. Она даже не знала, что у него есть личная ванная. Хотя чему удивляться — если у человека есть потайная гардеробная, почему бы не быть и ванной? Может, там ещё и спортзал. И бассейн. И вертолётная площадка.

Лиза осталась одна.

Три минуты.

Она уставилась на галстуки, залитые кофе. Двенадцать штук. Двенадцать убитых галстуков, каждый из которых стоил она боялась думать, сколько. Ей конец. Её выгонят. Выставят с позором. Придётся искать новую работу. Но где? Кому нужен младший ассистент с рекомендацией «уволена за уничтожение имущества»? Никому. Разве что в цирк. Или в службу спасения — решать катастрофы.

Так. Стоп. Думай, Лизавета. Думай!

Она заметалась по гардеробной. В ящике остались ещё галстуки? Те, до которых кофе не дотянулся, может они лежат в глубине, аккуратно свёрнутые?

Лиза отодвинула испорченные галстуки и увидела его.

На самом дне ящика, скомканный и явно забытый, лежал галстук. Розовый. Не просто розовый, а цвета ядовитой жвачки, такого оттенка, который используют для конфет с клубничным вкусом. И по нему скакали белые единороги с блестящими серебряными гривами. Мультяшные, с дурацкими улыбками, с большими глазами и звёздочками вокруг рогов. Ткань была покрыта глиттером. Блёстками, которые посыпались Лизе на пальцы, когда она прикоснулась к галстуку.

Она замерла. Кто-то подарил это Романову? Или он сам купил? Зачем?! Для чего?! Может, это был розыгрыш? Может, у него было тайное альтер-эго — весёлый любитель вечеринок, который по выходным надевал галстук с единорогами и ходил в караоке?

Нет. Невозможно. Кирилл Романов не ходил в караоке. Он вообще не ходил. Он перемещался из точки А в точку Б с деловой целью. И точка В — вечеринка с единорогами — в его маршруте отсутствовала.

Время. У неё было три минуты. Две уже прошли. Или две с половиной? Она не смотрела на часы. Сердце колотилось в груди, как бешеное. Лиза схватила залитые кофе галстуки и стала лихорадочно запихивать их в первую попавшуюся пустую папку, которая лежала на столе. Она просто сгребала мокрый шёлк в охапку и спрятала, прижала её к груди.

Потом огляделась.

Гардеробную нужно закрыть. Если он заглянет в открытую дверь и увидит пустой ящик, он сразу поймёт, что случилось. Он умный. Он всегда всё понимает. А если он заглянет и увидит один галстук — розовый, с единорогами, — он подумает, что это какой-то странный сбой в матрице. Может, он даже решит, что это приемлемо. В состоянии аффекта.

Она захлопнула дверь гардеробной и на секунду прижалась к ней спиной, переводя дыхание. Сердце бухало где-то в горле. Ладони вспотели. Очки съехали на нос, и она поправила их дрожащим пальцем.

И тут её осенило.

Кофе. Нужен новый кофе. Он же шёл в ванную, он вернётся, а кофе нет. Он спросит: «Климова, где мой кофе?» И она ответит: «Э-э-э» И он всё поймёт. Надо срочно сварить новый.

Она вылетела из кабинета, чуть не сбив Викентия Павловича, который как раз подходил к двери с какой-то папкой. Он отшатнулся, и его очки — впервые за четыре месяца — съехали на нос.

— Климова?! — воскликнул он. Не спросил — именно воскликнул. Это было самое эмоциональное, что Лиза от него слышала.

— Он попросил ещё кофе! — выпалила она, не сбавляя хода. — Первый остыл!

— У него сделка через пятнадцать минут, какой кофе?!

— Крепкий!

Она понеслась к лестнице. Ждать лифта было самоубийством — она не знала, сколько времени у неё осталось. Три минуты? Четыре? Пять? Она потеряла счёт. Лестница уходила вниз на сорок два этажа, но Лиза пробежала только один пролёт до кофейни на сорок первом, распахнула дверь, ворвалась внутрь, проигнорировала очередь и прошипела бариста в лицо:

— Эспрессо. Чёрный. Без сахара. В чистый стакан. Сейчас. Умоляю.

Бариста сделал кофе за тридцать три секунды. Лиза считала. Каждая секунда отдавалась стуком в висках. Тридцать три секунды её жизни, которые она никогда не вернёт. Стаканчик был горячим. Она прижала его к груди, как предыдущий, и побежала обратно. По лестнице. Вверх. На каблуках. С трясущимися руками.

Когда она ворвалась в приёмную, запыхавшаяся и красная, Викентий Павлович снова поправил очки.

— Я принесла кофе, — выдохнула Лиза, чувствуя, как сердце колотится где-то в ушах.

— Ему уже не нужен кофе. Он одевается.

Лиза замерла.

Дверь кабинета распахнулась.

На пороге стоял Кирилл Романов. В безупречном тёмно-синем костюме. В накрахмаленной белой рубашке. С платиновыми запонками. И на его шее...

Лиза почувствовала, как душа медленно отделяется от тела и плывёт к потолку. Буквально. Как воздушный шарик. Она почти видела её — маленькую, прозрачную.

На его шее был розовый галстук с мультяшными единорогами.

Они скалились блестящими зубами. Они сверкали серебряными гривами. Они смотрели на мир большими голубыми глазами, полными незамутнённого оптимизма. Звёздочки вокруг их рогов сияли, отражая свет офисных ламп.

Кирилл Романов, Ледяной Принц, генеральный директор «Бастиона», человек, который заставил дрожать весь архитектурный мир, стоял перед ней с галстуком, который был бы уместен на детском дне рождения. Или на вечеринке в стиле My Little Pony. Но не на сделке с инвесторами из Эр-Рияда. Точно не там.

— Климова, — сказал он ледяным тоном, который, казалось, мог заморозить кофе в её стаканчике. — Где. Мои. Галстуки.

Лиза открыла рот. Закрыла. Снова открыла. Её мозг лихорадочно искал ответ. Что сказать? Я спрятала их в папку со сметами? Я попыталась замести следы? Я отдам их в химчистку?

Ничего из этого не подходило. Её рот беззвучно открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной на берег. Очки съехали. Бант перекосялся окончательно. В руке дрожал новый стаканчик с кофе. Она стояла перед ним, как пылинка, моль, катастрофа в юбке-карандаше, и не могла произнести ни слова.

А он смотрел.

День только начинался. И он обещал быть незабываемым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.